

СЕВЕР В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ИСКУССТВЕ.

Статья А. В. Бакушинского.

Русский север—страна великого будущего. Его безмерные природные богатства, его население, быт с густым слоем пережитков глубокой древности, его суровая, крепко покоряющая красота странно далеки были до сих пор от нас, от нашего пристального и любовного внимания. Я не знаю в нашей живописи такого отражения севера, которое создавало бы его образ, хоть сколько-нибудь близкий к подлинной действительности за полярным кругом. Да и в литературе обычно господствует или фольклор, или сентиментальная стилизация, сусальная размалевка твердых контуров лика севера в «петушином» стиле.

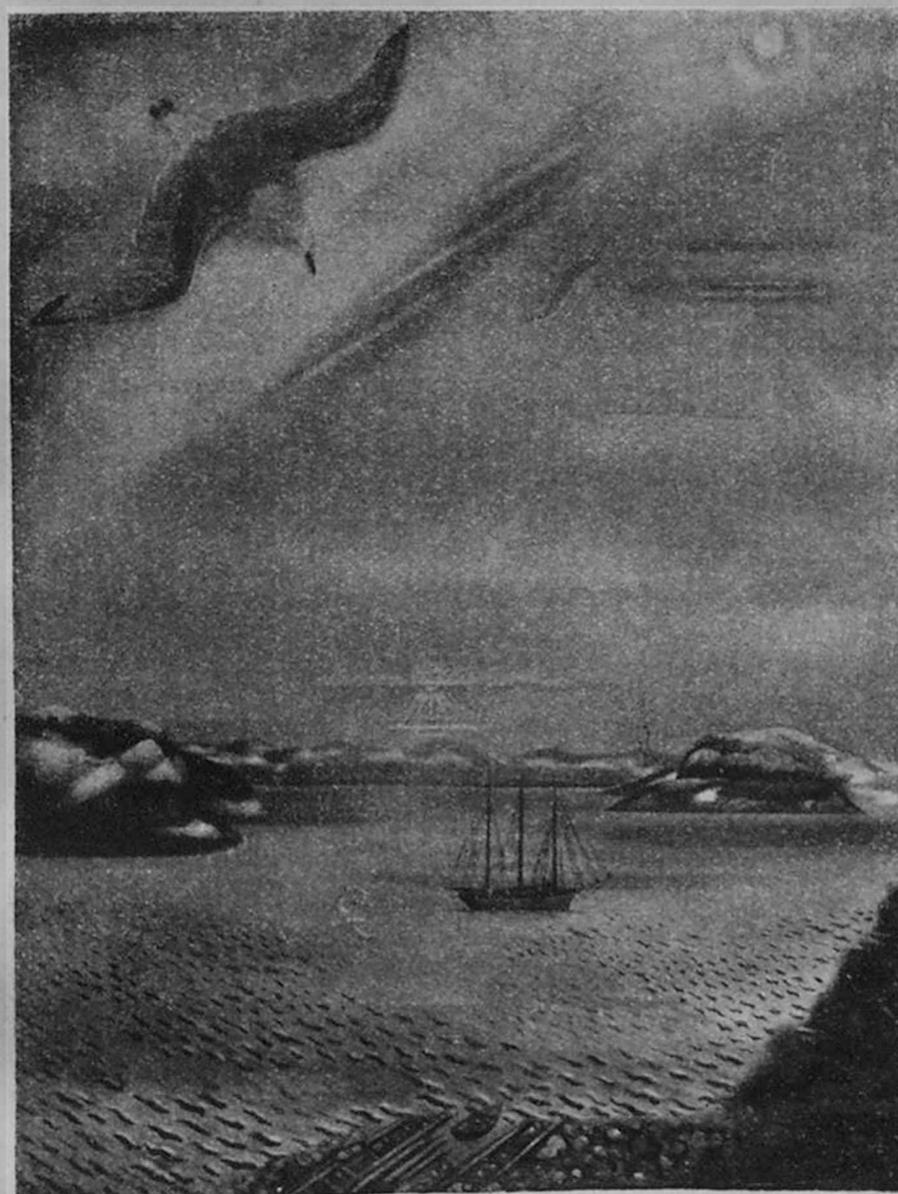
Всепобеждающее величие, бескрайняя мощь Ледовитого океана в строгой оправе мурманских берегов, скалистый пейзаж ново-земельских просторов, жуткий мираж полуденного солнца над холодной гладью полярных вод, суровый подвиг жизни поморов-рыбаков,—все это требует особого художественного подхода. Нам не нужны раскрашенные мертвые «фотографии», или туристские наброски, сделанные мимоходом, поверхностно. Тем радостнее отметить в нашем современном искусстве не только талантливое, но и проникновенно-свежее толкование севера.

Образ севера в этюдах и картинах молодого художника, К. Н. Редько, приобретает крепкую убедительность, неожиданно вскрытую для нас, не северян, с неизвестной до сих пор стороны. Художник сумел выявить с большой любовью, но без тени сентиментализма и внешней красоты, и северную полярную природу, и быт людей, с ней связанных. Это—несомненный и большой шаг в направлении к подлинному реализму, совершенных форм которого мы ныне мучительно и напряженно ищем.

Творческий путь К. Н. Редько весьма интересен. Художник начал с левых исканий в живописи. Север и близкое соприкосновение с его природой обратили художника к реализму, к поискам синтетического выявления природы, ее стихийной материалности. «Земли» в его красках приобрели господствующее место. На их фоне до предельного напряжения раскрываются холодное синее или пламенеющее красное. Колорит стал суровым и высоко напряженным. Так была К. Н. Редько в его творческом развитии подготовлена палитра севера. Уже эти опыты К. Н. Редько показывают, что он сумел близко подойти к тому сдержанному эпическому языку, в мерных ритмах которого следует творчески воспроизводить суровые сказки севера, его величавые зрительные контуры.

Этюды: «Маточкин Шар» и «Териберский маяк» характерны, как образцы творческого восприятия, его размаха.

Первый—в зеленоватой жесткой гамме, колючей, ледяной—выполнен жестким и острым уверенным мазком. Второй—мягким сдержанным приемом характеризует волнистые, складчатые изгибы темно-красных и коричневых скал на фоне уходящего в бесконечность океанского простора. «Мурман»—обобщенный образ, крепко построенная на динамиче-

К. Редько.

Териберский маяк.

Наверху—Мурман.

Внизу—Северное сияние.

ском равновесии и замкнутая в себе картина,—скупая и лаконичная в своих элементах, в своей выразительности. На фоне голубого прорыва неба стремительная чайка по диагонали картины. Внизу затерянный в просторе залива трехмачтовик. Местами мелкая рябь на стеклянной глади воды. Обледенелое холмистое окаймление берегов. В пра-

вом верхнем углу реальное холодное солнце. У горизонта—призрачное, повторенное. Природа севера раскрыта и обобщена, как величавое пространство безмерного готического собора.

«Поморы в океане»—грозная симфония, построенная на суровой борьбе лилово-сизого, глуховатого и холодного цвета с горячим и полупотушенным красным. Лейт-мотив—полуночное солнце с его тусклыми, окрашенными кровью лучами над тяжело и мерно вздрагивающим океаном. Утлые скорлупки поморской «посуды», затерянные в бесконечной пустыне. Тяжкий труд, похожий на мученический подвиг. Все вместе—могучий хорал с потрясающей и господствующей нотой природных голосов.

«Треску шкертят»—строгий финал океанских подвигов поморов-рыбаков. Группа рыбаков не работает, но священнодействует—истово, благоговейно. Художник сумел превосходно это выразить статическим построением групп, монументальной простотой форм, общим тоном картины, напоминающим холодный проблеск рыбы чешуи. Широко и сочно, как отличный «натюр-морт», дана груды рыбы на переднем плане. А дальше—этюды, живые образы людей севера, обобщенные без прикрас, просто и деловито, подготовки к возможным монументальным портретам. Вот в коричневой гамме набросок северянина «После охоты». Грузная фигура, медлительный, но точный жест с прицелом без промаха. Спокойная, крайне экономная манера живописи. Особенно хороши, как «натюр-морт», зубчатая чайка на столе и морской чорт на стене. Обвеян ледяными ветрами полярных пустынь, полон собранной энергией «Смотритель Териберского маяка». Его крепко построенная и широко выявленная голова четко формуется на беспокойном и напряженном красном фоне. Но особо мощное впечатление производит подлинно монументальный образ «Поморки». Ее фигура, широкоплечая, мощная, четко выделяется на массиве родных красно-коричневых скал. Холодный сизо-синий тон одежды. Чуть теплее тон обветренного лица. Само лицо замечательно удивительным выражением непреклонной воли и жизненной силы. Какая-то природа гигантов—под стать величавой природной оправе, их окружающей! Все это художнику удалось дать особенно просто и обобщенно. Север помог ему проникновенно и свежо запечатлеть в небольшой сюите этюдов и картин лик арктической природы и ее органической части—полярного человека.

А. БАКУШИНСКИЙ.

Наверху—После охоты.

Внизу—Поморка.

Поморы шкертят треску.

ЦЕНА в Москве, провинции и на станциях жел. дор.—20 копеек.

КРАСНАЯ НИВА

№ 51. Третий год издания. 13 декабря 1925 г. Москва. Третий год издания. № 51.

Фот. Н. Петрова.

Школьники.

КРАСНАЯ ЗИМА

№ 51—13-го декабря 1925 г.

Худ. Дроздов.

Декабрь в провинции.

ВОЛОГОДСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

Рассказ о 1905 году Алексея Окулова.

1905 год—утренняя заря Великой Революции; робко брезживший свет этой зари давно затоплен лучами великолепной и блистательной победы, которая пришла позднее.

Эта революция застала меня в Вологде, где я доживал последние дни своей ссылки. Наблюдая городское население, становилось ясно, что где-то в толщах рабочей массы, мещанства и даже пригородного крестьянства происходит какое-то кипение, бурление, и нагретые струи сложным водоворотом стремятся навстречу друг другу, сталкиваются, сходятся и расходятся. Город был наполнен самыми фантастическими настроениями.

К концу лета вспыхнула забастовка приказчиков, которая охватила все магазины, и именно эта забастовка внезапно и с силой помогла всем слоям городского населения осознать свои собственные настроения.

Черная сотня немедленно начала агитацию среди пригородного крестьянства против приказчиков, а по пути и против интеллигенции вообще, основываясь на том, что забастовка была тяжела для крестьян, приезжавших в город за покупками и возвращавшихся обратно с пустыми руками. Подогреваемое агитацией черносотенцев, недовольство крестьян скоро достигло угрожающих размеров. Погром... погром приказчиков, евреев и интеллигенции,—вот тот лозунг, который передавали один другому на базаре, который шептали друг другу на ухо по черносотенным подворотням.

Тогда была организована дружина из революционно настроенных приказчиков, рабочих и ссыльных, командиром которой был выбран я. Этой дружине суждено было в воло-

годских событиях сыграть большую роль. До манифеста 17-го октября она мирно расхаживала по городу, пряча свои дрянные револьверчики в карманах и следя за тем, чтобы нигде не образовалось достаточно большого скопления черносотенцев, чтобы начать погром.

Телеграмма с манифестом пришла в город утром. Часа через три в Народном Доме уже образовался двух-трехтысячный митинг, взвились красные знамена, начались речи, наполненные, главным образом, ликованием и радостью,—и больше всего еще—наивной верой в реальность тех обещаний, которые заключал в себе манифест:—Конституция! Свобода!.. Слова лились неудержимым потоком.

А под эти речи солнце клонилось к закату, наступали сумерки. И вместе с сумерками среди собравшегося народа поползли темные и тревожащие слухи о том, что где-то собираются кузнецы и мясники и хотят устроить в городе погром.

Народ, переполнявший Дом, начал волноваться; люди перешептывались друг с другом, оглядывались по сторонам; в особенности беспокоились женщины и суетились приведенные ими с собой на митинг дети. Прошел еще час или два.

Вдруг в фойе Народного Дома зазвенели стекла, осколки которых посыпались на пол; за разбитыми рамами на улице ревели дикие голоса, и истерические крики женщин в зале, где происходил митинг, заставили содрогнуться всю толпу, заставили ее рвануться с мест к выходу в смятении и панике...

Часть нашей дружины бросилась в зал—успокаивать народ, а часть—на улицу, на бульвар, среди которого стоял Народный Дом.